

А. Волков

МУЗЫКА В КАМНЕ

История Англии
через архитектуру

HISTORY
FILES

History files

Александр Волков

**Музыка в камне. История
Англии через архитектуру**

«ВЕЧЕ»

2012

УДК 94(100-87)
ББК 63.3

Волков А. В.

Музыка в камне. История Англии через архитектуру /
А. В. Волков — «ВЕЧЕ», 2012 — (History files)

История Англии неотделима от истории ее элиты – королей и герцогов, баронов и графов. Славные семейства, некогда ведавшие судьбами государства, теперь пребывают в упадке. Английские замки и усадьбы тоже пережили расцвет и запустение, а многие из них навсегда расстались со своими хозяевами. Но прислушайтесь – в их стенах еще звучит музыка в камне, и бродят призраки прошлого! В легкой ироничной манере автор повествует о рыцарях и политиках, архитекторах и садовниках, писателях и привидениях – всех тех, чьи судьбы так или иначе связаны с дворянскими гнездами старой доброй Англии.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3

© Волков А. В., 2012
© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Вступление	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Владимирович Волков

Музыка в камне

История Англии через архитектуру

Вступление

Краткий экскурс в историю английской аристократии

Римляне

Речь у нас пойдет в основном об английской аристократии, ее замках и усадьбах. Следовательно, нет смысла повествовать о псевдонаучных фантазиях на предмет эпохи неолита и бронзового века. Равно как и о кельтской Британии, столь милой сердцу современного читателя. Земляные ограждения на склонах холмов и частоколы на островах посреди болот не могут считаться предшественниками средневековых крепостей и маноров.

Правда, историки полагают, что у кельтов существовали начатки сословного устройства общества, разделенного на военную аристократию и крестьян, занимавшихся сельским хозяйством. Но римляне, впервые прибывшие в Британию в I в. до н. э., наблюдали совсем иную картину. По словам консула Диона Кассия, кельтские племена обитают «на диких, безводных холмах или заброшенных и болотистых равнинах, не имея ни стен, ни городов, ни земледелия; у них нет отдельных браков, а детей воспитывают сообща... правление у них демократическое, и они склонны к воровству». Высадившийся на острове Юлий Цезарь свидетельствовал: «Жен они имеют общих на 10–12 мужчин, особенно братья и отцы с сыновьями, но дети от этих союзов считаются детьми того, кто первым сожительствовал с женщиной».

Крестьянское войско бриттов оказало слабое сопротивление римской военной машине, составленной главным образом из профессиональных воинов. К 47 г. н. э. римляне во главе с Клавдием (10–54) заняли британские земли вплоть до рек Северн на западе и Трент на севере. Хотя новообразованную провинцию возглавляли выдающиеся политические деятели, большинство административных обязанностей перекладывалось на плечи преданных людей из местных жителей. Римская знать неохотно селилась на завоеванной территории, ведь, как заметил Цицерон, расширение границ империи приносит больше славы, чем управление ею. Таким образом, мощной аристократической прослойки на острове не возникло, и римская Британия с самого начала была обречена на гибель.

Показательна в этом отношении судьба римских укреплений. Северные валы и юго-восточный пояс фортов охранялись отдельными гарнизонами. В центре же страны крепостей не существовало, ведь в них должны были проживать хозяева, способные организовать оборону вверенного им объекта. Впоследствии англосаксы высаживались в диких местах, где отсутствовали форты, а далее перед ними лежала беззащитная земля.

Кровавый мятеж Боудикки в 61 г. подстегнул римлян на новые завоевания, и к 84 г. сменяющие друг друга правители, в первую очередь Агрикола (40–93), расширили границы провинции далеко на север, где сразу же стали испытывать неудобства в связи с набегами шотландских племен. Проблема Шотландии и Уэльса могла быть решена построением крепкой военно-феодальной системы, а не громоздких оборонительных валов, возникших в правление Адриана (24–138) и Антонина Пия (86–161).

Гораздо серьезнее были укреплены города (Колчестер, Честер, Йорк), но даже здесь каменных стен оказалось недостаточно. Например, воины Боудикки легко захватили Колчестер и использовали крепость против ее же хозяев. Во второй половине II в. к стенам добавились земляные валы¹, но и те плохо защищали от недовольных кельтов. Жертвами их восстаний являлись солдаты гарнизона и новоиспеченные «патриции», разучившиеся воевать после обретения римских прав и привилегий.

Разорениям подвергались и предки английских усадеб – античные виллы, которые строились в самых живописных местах, среди первозданных лесов и вольных рек. В южных графствах археологи обнаружили следы по меньшей мере пятисот вилл. На севере их не находят дальше Йоркшира, на западе – дальше Гламоргана в Уэльсе. Виллы продолжали возводиться и после того, как опустели города, вплоть до Vb. Увы, новые виллы, даже будучи хорошо укрепленными, быстро разрушались. В качестве причины этого часто указывают на недостаток внимания хозяев, одновременно владевших землями по ту сторону Ла-Манша, в Галлии. Такая точка зрения не учитывает позднейшей норманнской практики наследственной передачи родовых замков, позволяющей избежать их упадка.

Беспорядки в римской Британии удалось на время обуздать Диоклетиану (245–313), создавшему некое подобие бюрократии – гражданских чиновников (викариев), перед которыми отчитывались правители, лишившиеся руководства войсками². Дальнейшему расцвету Британии под властью Констанция I (250–306) и Константина Великого (272–337) способствовали создание религиозной ауры вокруг императора, двукратное усиление военных подразделений и появление слоя зависимого крестьянства (колонов).

В культе императора была своя слабость, и за расцветом последовал окончательный упадок, когда сильных и мудрых правителей сменили люди типа Магненция (303–353), своей терпимостью по отношению к традициям язычников подорвавшие устои системы Диоклетиана и потерявшие поддержку молодой британской Церкви, выпестованной Константином Великим. В результате последовавшей неразберихи в 367 г. в Британию одновременно вторглись разрушавшие все вокруг пикты, скотты, франки и англосаксы.

Усилиями Феодосия Великого (346–395) и полководца Стилихона удалось освободить большую часть захваченной варварами территории, но уже в 409 г. имперская администрация была изгнана из страны англосаксами. Остатки старой римской армии были задействованы в других провинциях империи, а новую собрать оказалось невозможно, так как земледельческий класс, состоявший из горожан и чиновников, упорно противился военному призыву.

Англосаксы

Англосаксами называют германские племена саксов, англо-в и ютов, происходившие из Северной Германии и южной части Ютландии. С легкой руки Беды Достопочтенного принято считать, что юты заселили Кент и остров Уайт, саксы (к ним иногда добавляют фризов³) – большую часть Южной Англии, англы – Центральную и Северную Англию.

Бритты почти не сопротивлялись пришельцам, и позднейшие христианские легенды о короле Артуре призваны были сгладить впечатление об их покорности мужественным и невежественным язычникам. При этом сами англосаксы не стремились к расширению своих владений, и кельты имели возможность бежать в Уэльс (королевства Гвинед, Дифед, Поуис и Гвент),

¹ Интересно, что норманны в XI в. действовали в обратном порядке: сначала земляные валы, потом каменные стены.

² В чем-то этот подход схож с реформой Генриха II, но только Плантагенет ломал прекрасно сработанный механизм, а Диоклетиан творил фактически на ровном месте.

³ По другой версии, фризы, эти «умные, ловкие торговые люди», заселили Нижнюю Шотландию, отсюда проистекает торгашеский дух жителей шотландских равнин.

Шотландию (Далриада, Стратклайд, Регед, Элмет), Корнуолл, Девоншир и Сомерсет (Думнония). Регед и Элмет были покорены англосаксами лишь в начале VII в., Думнония – в течение VII–IX вв.

Хотя завоеватели находились на гораздо более низкой ступени цивилизации, чем римляне, их общественные институты были устойчивее и перспективнее. Селились они прежде всего в долинах. Хозяйство в представлении англосакса – это луг для сена возле реки, невысокие склоны для пашни и более высокие для выпаса скота. Крестьяне использовались в качестве батраков (сервов или лэтов). Среди поселенцев были свободные люди или состоятельные крестьяне (кэрлы), а крупнейшие дома принадлежали эрлам.

На примере эрлов легко убедиться, что англосаксонское общество не доросло до сословности эпохи развитого Средневековья. Эрлы не являлись феодалами и не составляли национальной элиты, ведь их достоинство не зависело от них самих. Это те, кого почитали наследственно и из кого выбирали вождей в военное время и старейшин в мирное. Выбор абсолютно произволен, и человек благородной крови не пользовался среди односельчан никакими законными привилегиями. Сэр Уинстон Черчилль, один из идеологов парламентской демократии, с гордостью заявлял: «Возможно, мы рано реализовали демократический идеал „общества всех под руководством лучших“. В характерных для германцев представлениях, несомненно, заложены многие из тех принципов, которыми восхищаются сейчас и которые составили признанную часть миссии англоязычных народов».

При этом Черчилль почему-то возмущался порочностью структуры англосаксонского общества из-за «принципа использования денег для регулирования всех правовых отношений между людьми». Но во всяком демократическом обществе деньги играют важнейшую роль. Там, где родовитость не принимается в расчет, ее место неизбежно занимают деньги. Англосаксы были честнее современных демократов и не стеснялись открыто признать это. Среди прочего они пользовались системой штрафов, определявшей точную стоимость или ценность каждого человека в шиллингах. Разница между эрлом, кэрлом и лэтом только в цене. Разбогатевший лэт становился кэрлом или эрлом. Это вполне узнаваемые черты современного общества. Правда, саксы держали рабов, которые ничего не стоили. Они происходили из бриттов. Английское слово «wealth» (валлиец или бритт) даже приобрело значение «раб».

Над всеми стоял правитель (этелинг), но и его меняли в случае необходимости. Отсюда многочисленность саксонских королевств, каждое из которых изначально принадлежало одному роду или семье. Власть этелингов постепенно абсолютизировалась, они заявляли о своем происхождении от древних богов. Положение же эрлов оставалось шатким и непрочным: всегда находились более ловкие и наглые, а захват земель никак не регламентировался, по принципу «кто успел, тот и взял».

В связи с усилением роли этелингов в VII в. постепенно формируются семь крупнейших королевств: Кент, Суссекс (королевство южных саксов), Уэссекс (королевство восточных саксов), Восточная Англия, Мерсия (королевство центральных англов) и Нортумбрия (объединенные королевства северных англов Берниция, Дейра и Линдси). Серьезный удар по абсолютизму нанесла римская Церковь. Первыми ее питомцами стали Этельберт (552–616), король Кента, и Эдвин (585–633), король Нортумбрии, а в итоге вся Гептархия (семь королевств) обратилась в христианство. В отличие от кельтских миссионеров, Августин Кентерберийский и его ученики не собирались потакать амбициям саксонских правителей, и Рим с его учением проложил дорогу феодализму.

На первых порах новая аристократия формировалась из наиболее преданных королю эрлов. Их также называли танами, они были сильно привязаны к королевскому двору, жили в дворцовых чертогах и не всегда имели собственные поместья. Деление земли на домены впервые зафиксировано в конце VII в., но эти домены представляли собой пашни, обрабатываемые лэтами и рабами и принадлежащие эрлам и кэрлам, платящим за них подать непосредственно

королю. Англосаксонский манор – условная единица, это не укрепленное поместье, а всего лишь юридический и налоговый центр.

Главные укрепления англосаксов состояли из высокой насыпи с ограждением и заполненного водой рва. Каменное строительство до прихода викингов они так и не освоили. Неудивительно, что королевский трон каждый раз шатался, когда скандинавские ладьи причаливали к британскому берегу. Землевладельцы начинают строить мосты и крепости лишь в середине VIII в. В правление Оффы Мерсийского (?-796), именовавшего себя «королем англичан», появляются первые англосаксонские бургы и возводится гигантский земляной вал на границе с Уэльсом.

В 789 г. в Уэссекс впервые прибывают три корабля данов (датчан). Последовавшее затем нашествие скандинавов смело с лица земли Нортумбрию, Восточную Англию и Мерсию. Остатки других королевств объединились с Уэссексом, чей король Альфред Великий (849–899/901) снабдил всю страну крепостями, расположив их вдоль южного побережья, около устья Северна и в долине Темзы. К каждой был приписан определенный вспомогательный округ, в задачу которого входило предоставлять людей для охраны стен и содержать укрепления в порядке. То есть защита была налажена слабо, ведь у бургов по-прежнему не было хозяев, которые могли бы противостоять осаде. Не случайно сам Альфред в нелегкое для себя время предпочел укрыться в болотах Сомерсета.

Но даны, которых не следует путать с норманнами, хотя и умели строить крепости, не умели организовать жизнь в государстве. Они очень быстро ассимилировались. Получив отпор от Альфреда, многие из них стали расселяться в Нортумбрии и Восточной Англии (от Йоркшира до Норфолка), «возделывать землю, чтобы жить честным трудом». Эти честные труженики не могли ничему научить англосаксов. У них не было и намека на вассальную зависимость. Они просто слились с местным населением, превратившись в мелких землевладельцев (йоменов). Единицей их владений стала площадь, вспаханная восемью быками за определенное время и при предписанных условиях. Сэр Фрэнк Стентон охарактеризовал тогдашнее английское государство как «сельское общество, в котором свободный человек крестьянского состояния успешно сохранял свои позиции на фоне тенденции к манориализму».

Насколько справедливыми оказались знаменитые законы Альфреда? Мы видим, что взаимоотношения в обществе по-прежнему регулируются деньгами. Например, предусматривалась плата за... умыкание монахини, а именно по 60 шиллингов королю и епископу, если те, конечно, не давали разрешения похитителю (а случалось, что и давали). Одно из важнейших положений судебника было направлено против устаревших семейных связей: «Человек может сражаться за своего родича, если на него незаконно нападают, против всех, кроме своего господина, ибо этого мы не дозволяем». Иными словами, допускались незаконные действия со стороны господина, не связанного со своим подчиненным никакими договорными обязательствами. Конечно, при дворе Альфреда составлялись летописи и велись интеллектуальные беседы, но лишь в силу учености самого короля и его окружения.

Тем не менее Альфред предотвратил реальную угрозу покорения английских земель язычниками. Катастрофой это не стало бы. Но страна оказалась бы отброшенной на европейскую периферию, откуда норманнам было бы тяжело ее вытащить. В этом случае Вильгельм Завоеватель и его рыцари выступили бы в роли тевтонов, пытающихся цивилизовать прибалтийские земли⁴.

Альфреда принято также восхвалять за создание военно-морского флота. Однако судьба этого флота неясна. В 1009 г. мы наблюдаем новую попытку создать флот в Сэндвиче, чтобы противостоять Свейну Вилобородому. Но она завершилась разгромом. В «Англосаксонских хрониках» записано: «Либо нам не хватило удачи, либо мы были недостойны того, чтобы эта

⁴ Хотя даны были не столь примитивны по своему развитию, как, например, пруссы.

сила пошла на пользу этой земле». Видимо, та же участь постигла и корабли Альфреда веком ранее⁵.

Правление Этельстана (895–939), пожалуй, лучшее время в истории саксонской Англии. Но даже на вершине своего могущества (битва при Брунандурге в 937 г.) «король всей Британии» не мог чувствовать себя спокойно. Викинги возвращались вновь и вновь, понимая, что им противостоит не феодальная организация, а отдельные правители с довольно расплывчатым по своему составу Королевским советом. К несомненным заслугам Этельстана относится реорганизация графств (широв). Во главе каждого из них теперь стоял олдермен (бейлиф), чем-то напоминавший эрла – чиновник, ответственный непосредственно перед Коронай. Графства, в свою очередь, разделили на округа (сотни), а города подготовили к обороне.

Вся эта подготовка пошла насмарку в правление Этельреда Неразумного (968–1016). Устраняя Эдуарда Мученика (962–978), сторонники малолетнего Этельреда действовали в согласии с законами Альфреда о правах «господина» и в соответствии с древними традициями избрания правителя (Эдуард не был популярен в народе). Когда Этельред в полном объеме проявил свою неразумность во время очередных набегов викингов, эрлы пригласили в Англию датчанина Кнута Великого (994–1035). Желая доказать законность своих претензий на трон, Кнут поспешил отделаться от беспокойных и шумных соотечественников. Он даже распустил огромную датскую армию, доверившись послушным англосаксам. Саги описывают, как Кнут, постоянно опасавшийся конкурентов, посылал к неугодным ему эрлам... наемных убийц. Действовал он при этом как типичный радетель закона.

В XI в., в преддверии прихода норманнов, в Англию проникает европейская мода. Годвин Уэссекский и его семья очень схожи с франкскими феодалами до появления системы вассалитета. Их служение королю – пока еще личный долг, а не обязательство за наделение землей. Да и долг этот понят своеобразно: постепенно Годвин и его сыновья устранили почти всех претендентов на престол среди потомков Альфреда Великого. Параллельно в Нортумбрии, к северу от реки Хамбер, мятежники во главе с графом Моркаром чуть было не создали независимое королевство.

Эдуард Исповедник (1003–1066) был не в силах ликвидировать свободные общины на северо-востоке страны (это сделали лишь норманны), но постарался по мере сил поддержать развитие маноров в Уэссексе. В частности, королевских бейлифов стали называть шерифами, а их управление обрело феодальные черты; оказался выработан механизм сбора налогов, который окончательно наладили также норманны. В то же время рабство было характерной чертой деревенской жизни, и приблизительный подсчет показывает, что накануне норманнского завоевания примерно каждый одиннадцатый в Англии был рабом.

Эдуард подготовил пришествие герцога Вильгельма, открыв свой двор благотворному влиянию высокой европейской (читай «норманнской») культуры. Первым норманнским графом Англии стал Ральф Застенчивый из Вексена, племянник Эдуарда, в 1042 г. получивший земли на западе страны и построивший первый норманнский замок в Херефорде. Первым иерархом – Роберт, аббат Жюмьежа, в 1044 г. назначенный епископом Лондона и вскоре ставший влиятельным членом Королевского совета. В 1051 г. он сделался архиепископом Кентерберийским, но через год по инициативе Годвина был изгнан и заменен на Стиганда, епископа Винчестера, человека безупречной репутации, которого не признал Рим. Трудно не согласиться с сэром Ричардом Саутерном, утверждавшим, что «чем больше размышляешь об XI веке, тем больше понимаешь, насколько для достижений будущего века была необходима заложенная тогда материальная и интеллектуальная база». При этом «англосаксонская Англия не проявила и доли участия во всех этих приготовлениях, которые велись до 1066 года».

⁵ Когда в 1066 г. герцог Вильгельм собирался плыть в Англию, он построил надежный флот за считанные месяцы.

Эдуард избрал Вильгельма своим преемником в 1051 г., ненадолго освободившись от давления Годвина. Скорее всего, королевский акт о правах наследования был вручен герцогу епископом Робертом, ездившим в Рим. В 1064 г. побывавший в Нормандии Гарольд (1022–1066), сын Годвина, добровольно принес клятву верности Вильгельму и при этом помог герцогу подчинить своему влиянию Бретань, надежную союзницу норманнов в будущем завоевании Англии.

Норманны

Англичане не любят норманнов, вписавших самую яркую страницу в историю их страны. В Англии нет ни одного памятника Вильгельму Завоевателю (1027/1028-1087), заложившему основы английской государственности и культуры. Проникшиеся протестантской этикой и неизбежно сопутствующим ей духом капитализма жители островного королевства относятся с пренебрежением к своим великим предкам, особенно к Вильгельму и его династии. Норманны нелюбимы как последние завоеватели, ступившие на британскую землю и оставшиеся здесь навеки. Масло в огонь подлили и французы, назло бывшему историческому врагу посчитавшие норманнов «своими» и поставившие Вильгельму очень колоритный памятник в Фалезе (Нормандия). Сидящий на вздыбленном скакуне герцог устремлен к английским берегам; полуобернувшись и воздев руку с копьём, он зовет за собой своих соратников⁶.

Скандинавы, заселившие Нормандию в X в., приобщились к франкской культуре (между прочим, к латинской речи), на тот момент наиболее развитой в Европе, и превратились из норманнов (людей с севера) в нормандцев (жителей Нормандии). Собственно нормандцами их и следует величать, однако мы выбрали слово, употребляемое летописцами и старыми историками. В скором времени норманны, преследуя свои интересы, дошли до Испании и Сицилии, до границ с Шотландией и Уэльсом и основали в Сирии княжество Антиохия.

Один из выдающихся сынов Нормандии Боэмунд Антиохийский обращался к своим итальянским соратникам со следующими словами: «Разве мы не франки? Разве наши отцы не пришли сюда из Франции, а мы не стали здесь хозяевами силой оружия?» Тем самым он отдавал дань традиции, согласно которой франки справедливо считались лучшими воинами христианского мира. Однако нельзя не усмотреть в этом призыве выражение национальных чувств. В то время никаких наций не существовало, и норманнов надо признать не народом, а общностью, небольшой группой на удивление талантливых людей, чьи предки, вероятно, проживали в Норвегии. На завоеванных или мирно заселенных территориях они вели иной образ жизни, чем, к примеру, даны (об их общинных порядках в Англии мы уже говорили) или варяги, совершенно потерявшиеся на русских просторах.

Норманнам суждено было стать основателями развитой феодальной системы с ее преданностью римской Церкви, вассальной зависимостью и сплоченностью в рамках высшего сословия. Этот процесс начался в самой Нормандии, где при Вильгельме произошло перераспределение земель: новая аристократия (Монтгомери, Бомоны) получала их в наследственное владение, жертвовала монастырям, в то же время церковные феодалы наделяли землями своих родственников. Поэтому, по утверждению Дэвида Дугласа, «в Англии новая элита была создана практически в одночасье, причем сразу как инструмент административной политики верховного правителя».

Нормандия превосходила Англию и по своему благочестию. По количеству основанных монастырей герцогство соперничало с крупнейшими государствами Европы. Открывая обители, возводя соборы, делая пожертвования, норманны думали, что исправляют ошибки своих

⁶ Французы вообще любят такие памятники, например, знаменитый пират Робер Сюркуф в Сен-Мало (Бретань) недвусмысленно указывает пальцем в направлении Великобритании.

предков-язычников⁷. В искренности их веры сомневаться не приходится. Отец Вильгельма, герцог Роберт II, умер от истощения во время паломничества в Иерусалим. Пожертвования Церкви приобрели такие масштабы, что барон⁸, не сумевший основать в своих поместьях монастырь или хотя бы приход, чувствовал себя обделенным судьбой.

Церковные иерархи, ставшие светскими феодалами, собрали богатейшие библиотеки в своих епархиях, которыми сами охотно пользовались. В храмах Нормандии процветал романский стиль. Вильгельм и его жена Матильда Фландрская основали два собора в Кане, в которых наличествуют готические черты, предвещающие Сен-Дени аббата Сугерия. В школах при монастырях учились не только монахи, но и миряне. Фундамент английской церковной культуры был заложен в Нормандии!

Отправляющегося в Англию герцога благословил Рим. Военная экспедиция воспринималась многими ее участниками как крестовый поход. На английской земле Вильгельм сражался под папским знаменем и со священной реликвией на шее. Норманнов поддержали и большинство англосаксонских прелатов, в их числе Элдред, архиепископ Йорка; Гизо, епископ Уэльса; Балдуин, епископ Лондона; Вульфстан, епископ Вустера.

Герцог Вильгельм ступил на английский берег 28 сентября 1066 г. Два главных вождя уэссекской аристократии, братья Тостиг и Гарольд, погибли. Первый – противостоя брату при Стамфорд-Бридж вместе с приглашенным из Норвегии Харальдом Суровым, второй – на поле Гастингса (14 октября 1066 г.), отстаивая свои права на трон. Остальные эрлы сопротивления норманнам не оказали. Хроники сообщают, что Вильгельма «встречали принц Эдгар, графы Эдвин и Моркар, а также наиболее знатные жители Лондона».

Показательно, что интересы Харальда и герцога Вильгельма разошлись: норманны не считали себя викингами, и Харальд уже ссорился с ними в Византии. Надо также заметить, что, в отличие от скандинавов, норманны грабежами не занимались, а действовали по обстановке. В наказание за нападение на норманнскую армию возле Ромни город подвергся страшной резне, но в сдавшемся без боя Дувре практически не было актов насилия.

К жестким мерам Вильгельма принудили последовавшие некоторое время спустя мятежи, поднятые нарушившими клятву верности магнатами. В 1067 г. англосаксы Эдрик и Уилд, владевшие землями в Херефордшире, призвали на помощь принцев Уэльса. Во время похода на запад страны в начале 1068 г. Вильгельм подчинил Эксетер, а Глостер и Бристоль сами заявили о своей лояльности новому королю. Вскоре восстали нортумбрийцы во главе с Моркаром и Госпатриком. Через Уорик и Ноттингем Вильгельм отправился в Йорк, а по дороге назад прошел через Линкольн, Кембридж и Хантингдон. За двадцать лет правления Вильгельм изъездил всю Британию, и это помимо бесконечных войн на территории Нормандии, Мена и Вексена!

В 1069 г. против Вильгельма выступил Эдгар Этелинг, последний представитель рода Альфреда Великого, которого поддерживали король Шотландии Малькольм III и король Франции Филипп I. В восстании также участвовал крупный флот, присланный датским королем Свеном Эстридсеном. Речь шла ни много ни мало о создании на севере Англии независимого скандинавского королевства, хотя современные авторы лукаво трактуют это выступление как «борьбу с захватчиками». Угроза целостности молодого английского государства потребовала от Вильгельма адекватных мер, которые последующие историки, возмущенные жестокостью норманнов, окрестили «Разорением Севера».

Не задерживаясь в Йоркшире, Вильгельм совершил фантастический рейд через Пеннинские горы в направлении восставшего Честера, а на Пасху 1070 г. норманнская армия уже сто-

⁷ Их английские потомки тоже так считали, но при этом уничтожали монастыри и наживались за их счет.

⁸ В норманнскую эпоху баронами называли преданных герцогу (королю) феодалов. В позднесредневековой Англии слово «baron» стало обозначать низших по рангу пэров (носителей аристократического титула). Изредка использовалось также слово «lord», позднее закрепившееся за членами Королевского парламента.

яла в Винчестере. В 1072 г. ей пришлось отправиться в Шотландию для наказания Малькольма (англосаксам такое и не снилось!). В Лотиане шотландский король униженно попросил мира у Вильгельма и признал себя вассалом английской Короны. Однако в 1080 г. он забыл о клятве и вновь попытался вторгнуться в Нортумбрию после очередного мятежа в Дареме. Вильгельм и его старший сын Роберт Коротконогий (1054–1134) снова дошли до Лотиана и заставили Малькольма подписать новое соглашение.

Во время мятежа трех графов (графы Норфолка, Херефорда и Хантингдона) в 1075 г. проявил себя Вульфстан, епископ Вустера, и Вильгельму даже не пришлось возвращаться в Англию из Нормандии, где он противостоял интригам французского короля. В 1080-х гг. к вторжению в Англию готовился король Дании Кнут II, а Вильгельм тем временем отправился в... Уэльс, исключительно из желания расширить границы своего королевства и предотвратить грабительские набеги валлийцев.

Ключевую роль в удержании завоеванной территории сыграли великие норманнские замки. В Англии считали эти феодальные крепости «пустой континентальной выдумкой» и практически не строили. Вильгельм в корне изменил ситуацию. Он приказывал сооружать замки практически во всех местах, которые, с его точки зрения, представляли стратегический интерес. К концу XI в. на территории королевства было построено 84 замка, сначала деревянные, а позднее – каменные. Параллельно возникали укрепленные феодальные усадьбы – маноры, от которых к нашему времени почти ничего не осталось.

История английской аристократии, по большому счету, начинается с норманнской эпохи. Конные рыцари внесли решающий вклад в победу при Гастингсе, организовав ложное отступление, а затем мощно и слаженно ударив по врагу. В коннице сражались многие представители будущей английской знати, возглавлявшие приведенных с собой воинов. Они же стали первыми управляющими (констеблями) новых замков, затем уже переданных им на правах наследства.

Очень скоро Вильгельм отказался от прежней политики компромиссов, рассчитанной на привлечение англосаксонских эрлов. Представители некогда влиятельных родов в массовом порядке покидали родину. Крушение старой элиты было полным и необратимым. В «Книге Страшного суда», содержащей записи обо всех имевшихся в 1086 г. собственниках крупных земельных владений, саксонские имена крайне редки. Согласно подсчетам современных исследователей, англосаксонским феодалам к концу правления Вильгельма I принадлежало не более 8 % земель их страны. Вытеснившая прежних владельцев новая аристократия состояла из нормандцев, фламандцев и бретонцев.

Примерно пятая часть земель Англии была собственностью самого короля, четвертую их часть составляли владения Церкви, и почти половина была передана норманнским баронам. При этом оставшаяся часть населения отнюдь не бедствовала. Наш современник, рисующий Средневековье в мрачных красках, будет удивлен, узнав, что около 90 % всех англичан при норманнах владели землей на правах собственности или аренды и вели сытый и благополучный образ жизни. Самую многочисленную группу (41 %) составляли вилланы, владевшие 45 % всей используемой в сельском хозяйстве земли. 32 % йоменов держали 5 % земли. Таким образом, были те, кто имел солидную долю в деревенских полях, и те, кто распоряжался домом и прилегающим к нему садом с огородом. 14 % населения описываются как сокмены, державшие пятую часть земли и обладавшие большей независимостью, чем вилланы. Примерно 9 % батраков не имели собственного хозяйства. Конечно, подобная идиллия достигалась лишь при условии преобладания аграрной экономики. Свыше 90 % всех англичан проживало в сельской местности, а под плугом находилось 80 % всех земель, которые распахивали в начале XX в. Численность населения составляла всего лишь 1,25-2,25 миллиона человек.

Крупные земельные пожалования, за редким исключением, состояли из участков, расположенных в разных частях страны. Но при этом основные владения любого феодала были сосредоточены в одном графстве, где он становился влиятельной фигурой.

Трудно переоценить заслугу Вильгельма Завоевателя в формировании системы вассалитета, характерной для эпохи развитого феодализма. Хотя в Нормандии часть земель жаловалась за службу в конных отрядах крупных феодалов, обязанности и права рыцарей никак не регламентировались. Долг служения был впервые регламентирован именно в Англии⁹. Вот чем следовало бы гордиться англичанам, а не имперскими аппетитами римлян и демократическими порядками саксов!

Вильгельм распределял земельные владения, а бароны получали их не как военную добычу, а как плату за службу королю. Каждый из них был обязан выставить определенное количество воинов, то есть выполнить свой вассальный долг. Число солдат, которых должен был подготовить для королевской службы конкретный феодал, не было фиксированным, а оговаривалось исходя из размера находящейся в его распоряжении земельной собственности.

Крупные феодалы выделяли из своих земель ленные участки для лиц, направляемых ими на королевскую службу. Наличие рыцарей, имеющих лены, зафиксировано уже в «Книге Страшного суда», а к середине XII в. такими рыцарями стали практически все английские воины. Каждый из них имел земельный участок, за пользование которым должен был исполнять оговоренные служебные обязанности и выплачивать определенные денежные суммы. Впрочем, на первых порах существования нового английского королевства значение денег было чрезвычайно мало. В замки и монастыри поставлялись натуральные продукты, и в развитии торговли никто не был заинтересован, кроме, разумеется, самих торговцев.

Главной обязанностью вассала была военная служба, а также участие в деятельности двора своего сюзерена. Сюзерен мог иметь собственных эконома (стюарда), управляющего, казначея и других придворных чиновников. Центром государственной системы управления был королевский двор (курия), который можно было считать просто двором крупнейшего феодала страны. Правило присутствия при дворе входило в круг обязанностей тех, кто получил свои земли непосредственно от короля.

Созданная норманнами социальная система не нуждалась в англосаксонских судебниках. «При определении феодальных прав и обязанностей могли возникать споры, но никто не отрицал, что окончательное решение обязательно для всех. Именно общее признание феодального принципа королем и вельможами позволило англо-нормандскому королевству выжить и во многом определило характер власти в нем», – резюмирует Дуглас.

К сожалению, это гармоничное социальное устройство было принесено в жертву нарождающемуся абсолютизму. Англичане потребовали коронации Вильгельма, поскольку «привыкли, что над их лордами стоит король». Настроение соратников герцога было совсем иным. Конечно, эти гордые и умные люди желали, чтобы поход, в котором они приняли участие, достиг своего логического завершения. Однако многие из них опасались, что, став королем, их герцог сможет претендовать на большие права, чем он имел в Нормандии.

Есть основания полагать, что, зная об этих настроениях, колебался и сам Вильгельм, как будто предвидя, сколько проблем возникнет в будущем из-за стремления его потомков к абсолютной власти. Для англосаксов королевский сан был окружен ореолом мистики и благоговения. Отсюда рукой подать до теории божественного права, согласно которой власть помазанника является отражением власти самого Творца.

Ближайшие сподвижники короля придерживались прежних нормандских титулов виконтов и контов (графов). Им важно было подчеркнуть, что новые поместья получены ими закон-

⁹ Первую попытку официально регламентировать его на континенте предпринял в 1172 г. Генрих II, а окончательный список обязанностей владетелей ленов был составлен только в 1204–1208 гг. французским королем Филиппом Августом.

ным путем – из рук своего герцога. Соблазн возомнить себя независимым правителем грозил не только королю, но и баронам. Поэтому Вильгельм с большой осторожностью вводил и упразднял титулы¹⁰. Новые административные единицы занимали лишь небольшую часть той территории, которой владели прежние эрлы, а вскоре их размеры были еще уменьшены.

Значение должности шерифа, напротив, возросло по сравнению с эпохой Эдуарда Исповедника. Эту должность заняли могущественные люди, не подотчетные местным феодалам (по аналогии с виконтами в Нормандии, которые, несмотря на свой титул, подчинялись непосредственно герцогу). Потомки многих шерифов в дальнейшем стали официально носить графский титул¹¹.

Шерифы чувствовали свою силу, которая позволяла им исполнять приказы короля, даже если от этого мог пострадать самый знатный человек в данном регионе. Среди судебных процессов «Книги Страшного суда» можно встретить много случаев, когда арендаторам возвращали часть имущества, отнятого у них шерифами. Плантагенеты, заинтересованные в усилении своей власти на местах и ее идейном оправдании, охотно пользовались услугами шерифов. Слишком алчных они наказывали, и постепенно в народе сложилось мнение о королях как о хозяевах, строго следящих за охраной общественного порядка.

Серьезной ошибкой Вильгельма I стало разделение англо-нормандского королевства между сыновьями. Вероятно, в этом он следовал англосаксонской традиции, согласной которой наследником королевства считалась вся семья, а не кто-то персонально. Еще перед тем, как отправиться в Англию, Вильгельм закрепил за Робертом Коротконогим право наследования всех своих владений, в том числе и за пределами Нормандии. Но в 1068 г. Роберт выступает уже не наследником, а вассалом своего отца и в качестве такового возглавляет Нормандию.

Роберту была присуща личная храбрость, он любил приключения, был остроумным собеседником, но задатками государственного деятеля не обладал. Поначалу он нарушил вассальную присягу и взбунтовался против отца, но затем образумился и принял участие в дальнейших походах Вильгельма. Возможно, Роберт справился бы с ролью правителя объединенного королевства, тем более его поддерживало подавляющее большинство баронов. Но умирающий король передал своему старшему сыну лишь Нормандию, а Англию оставил среднему – Вильгельму II Рыжему (1056–1100).

Нелепое завещание вызвало массу недоумений в среде английской и нормандской знати. «Как можем мы служить должным образом двум удаленным друг от друга и враждебным друг другу государям?» – вопрошали многие. По мнению историков, растерянность баронов объясняется их страхом за судьбу своих владений в Англии и Нормандии. Однако эти земли представляли собой не только источник доходов, но и важнейший атрибут вассального договора. А двух договоров существовать не может. В будущем Плантагенеты будут лицемерно приносить вассальную присягу (оммаж) французскому королю за свои владения на континенте, признавая ее формальность. Норманны же для этого были слишком честны. Неудивительно, что все их мятежи пришлось на 1087–1096 и 1100–1106 гг. – периоды, когда король Англии не являлся герцогом Нормандии.

Вильгельм II, несмотря на свою жадность и заносчивость, продолжил дело отца, завоевав Кумберленд и Уэстморленд, поэтому большинство англо-нормандских баронов, в конце концов, примирилось с ним. Роберт в 1096 г. отправился в Первый крестовый поход, где сполна проявил свои лучшие качества. Вернувшись в Нормандию, он попытался бунтовать против

¹⁰ Усиление роли королевской власти привело в 1337 г. к учреждению титула герцога, именовавшегося «duke», для членов королевской семьи. В XIV в. впервые появился и следующий за герцогским титул маркиза (marquess), который поначалу сочли анахронизмом и окончательно приняли в 1551 г.

¹¹ Эти графы отказались от наименования «count», предпочтя старинную форму «earl», при этом графини назывались «countess». В связи с развитием института шерифов титул виконта был скоро позабыт, но в 1440 г. его восстановили под именем «viscount», поставив рангом ниже графского.

своего другого брата – Генриха, был захвачен им в битве при Таншбре в 1106 г. и провел остаток жизни пленником.

В упрек Вильгельму II следует поставить испорченные отношения с Церковью, да и те были вызваны лишь отсутствием личного благочестия. Рыжий, в отличие от отца, не был мудрецом, но система, созданная Завоевателем, продолжала работать. Ее коренная ломка началась при Плантагенетах, но уже младший сын Завоевателя, Генрих I Грамотей (1068–1135), начал осознавать себя «помазанником Божиим».

Первым делом он упразднил отцовскую курию, подменив ее собственным административным аппаратом, состоявшим из преданных королю мелких землевладельцев (предшественников джентри). Эта «поднявшаяся из пыли» бюрократия дала возможность Генриху контролировать крупных баронов, пренебрегая прежними доверительными отношениями. Долг служения все чаще оплачивался «откупными», поступавшими в созданное Грамотеем казначейство. Таким образом, усилилась роль денег в высших слоях государства. Отныне можно было играть на самых низменных человеческих чувствах, предлагая покупать посты (вплоть до звания канцлера), опеку над землей, выгодный брак. При норманнах эта купля-продажа все же не получила распространения, но Плантагенеты прибегали к ней постоянно, требуя платы даже за передачу наследственных прав.

Феодалной реакцией на нововведения стала война между Стефаном Блуа (1096–1154) и императрицей Матильдой (1102–1067) в 1135–1154 гг. Единственный сын Генриха I, Вильгельм (1103–1120), погиб в результате крушения «Белого корабля» у берегов Нормандии, и король возложил свои надежды на дочь Матильду, вдову германского императора Генриха V. В 1128 г. она вышла замуж за Готфрида Плантагенета (1113–1151), будущего владельца графства Анжу во Франции.

Императрица могла бы поддержать начинания Грамотея, но английские бароны, желавшие вернуть порядки Вильгельма I, возвели на престол его внука Стефана, сына Аделы Нормандской. Тот оказался слабым человеком и плохим военачальником, имевшим представления об обязанностях рыцаря, а не сюзерена и нарушившим обещания, данные своим вассалам. В результате совершенно потерявшиеся бароны блуждали из лагеря в лагерь.

Последовал ряд небольших стычек, приносивших успех то Стефану, то Матильде. Значение этих «битв» принято всячески раздувать, чтобы продемонстрировать наивному читателю ужасы так называемой феодальной анархии. Между тем правление Стефана было временем наивысшего подъема церковного движения в Англии: бароны основывали монастыри, больницы и приюты. В 1153 г. был подписан Уоллингфордский договор, согласно которому наследником английского престола провозглашался сын Матильды – Генрих II Плантагенет (1133–1189).

Плантагенеты

Правление первого Плантагенета ознаменовалось крахом феодальной системы Вильгельма Завоевателя, на смену которой пришла централизованная власть, основанная на казначействе и судах. Генрих II возродил англосаксонскую традицию самоуправления под королевской властью в графствах и городах и сделал постоянными выездные суды. На место феодалов заступили специально присланные королем судьи, в среде которых начал формироваться новый чиновничий слой. Через сто лет эти господа составят целые юридические корпорации, каждая из которых займется толкованием различных областей права. Оттуда изгонят священников, как представителей чужой, не национальной традиции. И наконец, придет время, когда юристы запретят своему создателю вершить закон и объявят самих себя «гласом народа».

Генрих II официально ввел skutagий – налог, позволяющий откупаться деньгами от воинской службы. Долг служения фактически приказал долго жить. Черчилль с восторгом говорит, что skutagий «поразил феодальную систему в самое сердце». Одним из следствий этого поражения стало военное бессилие Плантагенета, отказавшегося от перспектив завоевания Уэльса и не добившегося серьезных успехов в Ирландии. Как на причину этого указывают на занятость Генриха на континенте и тамошние завоевания (Нант, Бретань). Конечно, его владения превышали территорию Нормандии, но, с другой стороны, Вильгельму I приходилось постоянно сражаться с беспокойными соседями, тогда как Плантагенет чувствовал себя вольготно, несмотря на поведение своих сыновей.

Разругавшись с феодалами, Генрих начал вмешиваться в дела Церкви. Кларендонские постановления (1064) требовали от клириков уплаты налогов и подчинения королевской юрисдикции, запрещали им покидать пределы Англии и обращаться с жалобами в Рим без разрешения короля¹². В наше время стало модным винить в порче отношений между государством и Церковью Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского, ранее представавшего мучеником. Абсолютистским популизмом Плантагенета Бекет противопоставил силу и мощь реформированного католицизма, подобно монархии ополчившегося на феодальные порядки.

Столкнувшись с проблемой наследования, Генрих II повторил путь Завоевателя. Он не обделил никого из сыновей, кроме временно оставшегося без земли Иоанна (1166–1216). Старшему Генриху (1155–1183) достались Англия, Анжу и Нормандия; Ричарду (1157–1199) – Аквитания, наследственная доля его матери королевы Элеоноры; Джеффри (1158–1186) – Бретань. На этот раз судьба была милостива к Англии: королем сделался самый достойный из сыновей Плантагенета. Но она же и посмеялась над ней, отпустив Ричарду Львиное Сердце всего десять лет правления, большую часть из которых он провел в Святой земле.

Третий крестовый поход всколыхнул сердца и умы феодалов, которых отец Ричарда приучил к skutagию. Но Ричард одерживал победы лишь за счет своего полководческого дара и умения привлекать к себе людей. К сожалению, немногие из его сподвижников руководствовались долгом служения. Вернувшиеся в Англию крестоносцы возродили моду на строительство замков, и остается сожалеть, что сам Ричард, один из талантливейших инженеров своей эпохи, успел поработать лишь в Нормандии, за пять лет (1194–1199) отвоевав ее у французского короля Филиппа Августа.

Период отсутствия монарха в Англии превратился в грызню администраторов между собой: с одной стороны партия Элеоноры Аквитанской, с другой – канцелярия принца Иоанна в его графствах. Исход противостояния решался не на полях сражений (их почти и не было), а в судах и Королевском совете, пришедшем на смену норманнской курии.

Административный аппарат, выпестованный Генрихом II, в руках самодура мог превратиться в оружие произвола. Вскоре так и произошло. Из всех сыновей Генриха младший в наибольшей степени походил на него. Его не волновали ни военная слава, ни преданность товарищей. Но и абсолютная власть не привлекала Иоанна Безземельного. Ему хотелось денег, и в этом его желания совпадали с чаяниями окружавших его чиновников. Казначейство разбухало за счет непомерных налогов, от которых равным образом страдали и аристократия, и Церковь. Хотя король увлекался возведением замков, сильную армию он никак не мог собрать и, в конце концов, утратил Нормандию, Мен и Анжу¹³.

Важнейшим событием его правления считается подписание Великой хартии вольностей (15 июня 1215 г.). Поклонники парламентских свобод не устают воспевать ей осанну, а борцы

¹² Если бы не личное благочестие Плантагенета и кровь Завоевателя, текущая в его жилах, он, пожалуй, мог бы обойтись с Церковью так же, как обошелся с ней в XVI в. Генрих VIII. Во всяком случае, они весьма схожи характерами – взбалмошные, капризные и блудливые.

¹³ В наше время эта утрата провозглашается едва ли не благом для государства, так же как благом считается развал Британской империи. Сократись Великобритания до Лондона – и то, вероятно, было бы объявлено благом.

за всеобщее равенство осуждают ее «классовый эгоизм». Несомненно, хартия явилась реакцией на монарший произвол, но, увы, ее составители пытались бороться с этим произволом его же средствами. Они не понимали, что глава государства – не божественный правитель, а «первый среди равных» – неотъемлемая часть нормально функционирующей феодальной системы. Отношения с ним строятся на доверии, их нельзя регламентировать на бумаге. Пытаясь юридически ограничить права короля, бароны совершили ту же ошибку, что и Генрих Плантагенет, а ее плодами воспользовалась третья сила. Да, хартия не учитывала интересов купцов и крестьян, но вскоре после ее принятия йомены и мелкие рыцари заговорили о своих правах, а когда хартия всплыла в XVII в., она пригодилась новому торговому слою, жаждущему ослабления королевской власти.

Взор английских баронов тем временем обратился к Франции. Королевство по ту сторону Ла-Манша вступило в период наивысшего расцвета. Капетинги переняли лучшие норманнские традиции, которыми пренебрегли Плантагенеты. Отныне Франция становилась законодательницей мод средневековой Европы, а ее рыцари, чье достоинство не попиралось королевскими чиновниками, являлись союзниками Короны в деле завоевания новых территорий. Авантюра принца Людовика (будущего Людовика VIII), попытавшегося в 1217 г. обосноваться в Англии, не удалась, но не столько из-за сопротивления англичан, сколько из-за осторожного отношения к ней Филиппа Августа.

Наступала эпоха рыцарства и в Англии, нуждавшейся в сильном государе и надежной элите. Однако король Генрих III (1207–1272), сын Иоанна Безземельного, после ряда попыток состязаться с Францией был посрамлен Людовиком Святым. Пример отца ничему не научил Генриха, который заявлял, обращаясь к баронам: «Слуги не судят своего хозяина. Они должны предоставлять себя в его распоряжение и быть покорными его воле». Согласно абсолютистскому настрою Плантагенетов, так оно и есть, согласно заветам норманнов, «хозяин» наделен не меньшими обязанностями по отношению к «слугам».

Французское окружение Генриха искало для себя лидера. Таковым при определенном раскладе мог стать Симон де Монфор, грозный покоритель альбигойцев, но он погиб на юге Франции, и бароны возложили свои надежды на его сына, также Симона (1208–1265). Последний с радостью использовал преимущества, которые давала административная система Плантагенетов. Соратники ждали от Монфора возрождения старых феодальных вольностей, а получили «Сообщество рыцарей-вассалов Англии», объединившее мелких землевладельцев. В самом названии таился соблазн – на место сюзерена ставилась какая-то «Англия», понимаемая каждым по-своему. Простолюдины были довольны, а те, кто начал ощущать свою силу, потихоньку приобретали земли и поместья. В ответ на возмущение должников королевские чиновники лишь разводили руками: таков закон.

Монфор лицемерно заявлял, что «нигде не видел столько вероломства и лживости, как в Англии», но когда его земляк Людовик Святой на третьей инстанции объявил незаконными Оксфордские провизии (1258), навязанные Генриху III баронами, Симон не согласился с этим решением и перешел к активным действиям. В битве при Льюисе (14 мая 1264 г.) королевское войско оказалось разбито валлийцами Монфора. Собранный им в январе следующего года совет, в котором преобладали мелкопоместные дворяне и горожане, прежде считался первым английским парламентом (великая честь!), но нынешние историки разобрались, что Монфор использовал его членов как марионеток.

Водя за нос баронов, Симон, как всякий диктатор, опирался на симпатии плебса. В народе он пользовался популярностью спустя долгие годы после гибели. Пленного короля произвели в «свадебные генералы», но как поступить с принцем Эдуардом (1239–1307), Симон так и не решил. Эдуард же, осознавший ошибки своего отца, вошел в сговор с баронами, чьим потомкам суждено было прославить Англию на полях сражений. 4 августа 1265 г. Монфор

пал при Ившеме. Присутствовавшего тут же старичка государя чуть было не закололи, но он вовремя крикнул: «Не убивайте меня! Я Генрих, ваш король!»

Его сын, однако, не сумел повернуть историю вспять. Система ленного землевладения оказалась сломана раз и навсегда. Эдуард I мог надеяться лишь на солидарность в рамках рыцарского сословия – сословия воинов, а не крупных помещиков. Действовать же он мог лишь посредством законотворчества, так как слово чести было лишено силы.

Вестминстерские статуты Эдуарда частично ликвидировали приобретения эпохи Монфора. Вводился майорат, а обязанности по отношению к Короне закреплялись за владельцем поместья, даже если оно было куплено им у прежних хозяев. Король желал бы полностью избавиться от таких покупателей, но столь явный передел не получил бы поддержки в низших слоях общества, с настроениями которых приходилось теперь считаться. Удалось приструнить лишь раздражающих всех кредиторов, скупивших солидную долю английской земли, и в 1290 г. евреи были изгнаны из Англии.

Многие английские священнослужители поддержали Монфора, а Джон Пекхем, архиепископ Кентерберийский, выступил против самого Эдуарда. Его никак нельзя считать продолжателем дела Бекета. Томас защищал интересы Рима, поставленного и над королем, и над феодалами, Пекхем же заботился о местечковых привилегиях собственного клира. Недаром апеллировал он не к постановлениям главы своей Церкви, а к Великой хартии вольностей.

Ко времени правления Эдуарда I относится созыв парламента (1275), одоббившего введение таможенных пошлин. Зачем королю потребовалось одобрение лордов? Дело в том, что традиционные земельные налоги являлись прерогативой короля в границах государства, равно как и каждого отдельного феодала в границах его ленных владений. Но торговцев самостоятельно облагать пошлинами король не мог, поскольку те ликвидировали бы свои убытки на местах – за счет налогоплательщиков. Вот и пришлось влиятельным людям королевства собираться для решения столь животрепещущей проблемы. Так родился английский парламент. Теперь короли, создавшие административно-конституционную систему, становились охранителями старинных традиций, а богатеющая вместе с купцами аристократия превратилась в двигатель прогресса. Первую парламентскую оппозицию Эдуарду составили представители древних родов. Решив вопрос о пошлинах, они запретили государю применять феодальное право призыва, окончательно похоронив долг служения.

Между тем политические реалии требовали от короля создания идейно сплоченного воинства, которого не было у англичан со времен Львиного Сердца, и новых завоеваний, не уступающих достижениям создателя английского государства. За двести лет скопилась куча бумажек и народилась масса чиновников, а Франция ушла далеко вперед. В 1293 г. французский король Филипп Красивый в очередной раз унизил англичан, заняв замки в Аквитании, и Эдуард понял – пора действовать. Теперь он мог опереться лишь на рыцарскую преданность, изрядно приправленную контрактными обязательствами. Покорители Уэльса и Шотландии сражались не только за короля, но и за денежное вознаграждение. А добывать средства Плантагенеты могли только с помощью парламентских дотаций. Как следствие, возросла роль этого института в истории Англии.

Завоевание Уэльса, начатое когда-то Вильгельмом I, успешно завершилось¹⁴ в 1282 г. за счет «норманнской» политики Эдуарда, заключавшейся в первую очередь в строительстве мощных замков на занятой территории (при этом были успешно использованы и старые надежные крепости). После смерти шотландского короля Александра III и его внуки и наследники Эдуард попытался провозгласить себя верховным правителем Шотландии. Общепри-

¹⁴ Значение последующей борьбы валлийцев за свою независимость чрезмерно преувеличено некоторыми историками. Даже восстание Оуайна Глендура в 1400 г. надо рассматривать в контексте борьбы за английский престол между династией Ланкастеров и их конкурентами.

ное сопротивление английской экспансии успехом не увенчалось, его лидер Уильям Уоллес был казнен в 1305 г., но затем против англичан выступил Роберт Брюс, сформировавший сильную феодальную оппозицию. Дав отпор англичанам, он с помощью своего брата Эдуарда расширил шотландское влияние на Ирландию. На волне успешных боевых действий шотландцев в 1316 г. Эдуард Брюс был провозглашен верховным правителем Ирландии. При этом ни один английский король не посетил Ирландию начиная с 1210 г.! Вот только Роберт опоздал родиться на два-три столетия, поэтому мощного государства ему создать не удалось. После его смерти Англия отказалась признать независимую Шотландию. Шотландские бароны вновь разбрелись по своим замкам, и в 1346 г. Давид II, сын Брюса, был пленен англичанами.

На полях сражений значение аристократической конницы резко упало, но вовсе не потому, что рыцарские способы ведения боевых действий устарели, просто пехотинцам можно было меньше платить.

Пехота своей массой задавила конницу. Это прежний норманнский рыцарь, чьи интересы совпадали с интересами феодальной по сути Короны, своим энтузиазмом мог решить исход сражения. Новое же рыцарство стимулировалось деньгами, подобно простым лучникам. И лишь романтические идеалы, впитанные феодалами с молоком матери и прославленные куртуазной поэзией, облагораживали войны эпохи последних Плантагенетов. В XV в. и от них ничего не осталось.

Эдуард II (1284–1327) едва не свел на нет достижения своего отца. Вопреки распространенному мнению, следует отметить, что разгром англичан в битве при Баннокберне (24 июня 1314 г.) обеспечили не шотландские копейщики – те лишь остановили рыцарей противника, а конница Брюса, атаковавшая левый фланг Эдуарда II и вызвавшая панику в английских рядах. В то же время из-за напряженной ситуации в Англии в битве не участвовали многие представители знати, и поле Баннокберна отнюдь не стало могилой для «цвета английского рыцарства».

Недовольные королем бароны состязались с ним в умении плести интриги. Показательно, что Плантагенета обвиняли теперь не в ущемлении феодальных свобод, а в неумении управлять страной. Началась элементарная борьба за власть, сопровождающаяся парламентской возней (за время правления Эдуарда II парламент собирался 25 раз!) и конкуренцией с королевскими фаворитами Пирсом Гавестоном и Деспенсерами. Их противникам следовало бы задаться вопросом: зачем менять слабого короля, если ему на смену придет очередной авантюрист, которому не на что опереться, кроме как на собственные амбиции? Соблазнивший королеву Изабеллу Французскую диктатор Роджер Мортимер (1287–1330), несмотря на свои достоинства, оказался куда более плачевным правителем, чем свергнутый им Плантагенет.

Первый этап Столетней войны, длившейся с 1337 по 1453 г., многие английские историки рассматривают как своеобразный реванш за норманнскую экспансию. Но не следует обольщаться на предмет побуждений Эдуарда III (1312–1377) и его рыцарей¹⁵. Не феодальная солидарность и не жажда военных подвигов двигала ими. В английском короле на французском троне нуждались в первую очередь фламандские бюргеры и гасконские торговцы. Представляете себе Вильгельма Завоевателя, озабоченного импортом шерсти и вина в Нормандию?

Эти побуждения не умаляют полководческих талантов короля, его сына и их военачальников. Победы, одержанные англичанами при Креси (26 августа 1346 г.) и Пуатье (19 сентября 1356 г.), составили славу английского оружия. Если первой из них Англия обязана своим лучникам, то вторая достигнута в основном за счет грамотного и своевременного использования конницы. Рыцарские идеалы торжествуют: Черный Принц (1330–1376) склоняется перед плененным французским королем, бретонские и английские рыцари демонстрируют чудеса

¹⁵ Юридическую правомочность претензий Эдуарда III (внука французского короля Филиппа Красивого) на французский престол теперь не оспаривают даже сами французы. Англичанина обвиняют лишь в развязывании войны, но подобными обвинениями славится наше время.

храбрости в Битве тридцати (26 марта 1354 г.). Но война постепенно становится другой. Жан Фруассар ужасается поведению при Креси английских пехотинцев, которые «нападали на графов, баронов, рыцарей и убили многих, что потом разгневало короля Англии». Эдуард мог гневаться сколько угодно – его наемники не знали иного образа действий. И разве не за добычей явился в Аквитанию Черный Принц со своими мародерами?

Косвенным следствием таких грабительских походов стал новый виток строительства английских замков, правда, не для обороны, а для комфортного проживания. Иногда использовались средства, полученные честным путем – в результате богатого выкупа за знатного пленника. Впрочем, в самой погоне за выкупом было что-то неблагородное, не случайно среди нажившихся на поле боя было много вчерашних джентри, по богатству ничуть не уступающих родовой аристократии.

Пока шла война, в парламенте наметилось разделение. Мелкие землевладельцы и горожане выделились в палату общин, занявшуюся составлением петиций королю. Вернувшись из Франции за новыми деньгами, Эдуард вдруг обнаружил, что теперь он должен согласовывать все налоги и сборы с нижестоящей инстанцией. Однако он быстро утешился, поняв, что палата общин благоговееет перед своим монархом – победителем ненавистных французов, национальным лидером и защитником от феодального произвола.

Лорды так не считали. Для английских и французских баронов большое значение имела сословная солидарность, не вписывающаяся в национально-государственные рамки. Рыцарская честь, вассальная присяга, пусть и формальная, пока еще не утратили своей ценности. Несмотря на материальные интересы, война во Франции оставалась для рыцарства красивой игрой, тогда как для простолюдинов она давно превратилась в бойню.

Росло недовольство римской Церковью. Ее обширные угодья мозолили глаза и феодалам, и йоменам. А тут еще апостольский престол, «плененный» французскими королями, переместился в Авиньон. Привыкшие сверять доходы с расходами английские патриоты быстро уразумели, куда направятся папские денежки. Под их побуждения подвел идейную базу достопочтенный Джон Уиклиф, задолго до Генриха VIII вручивший бразды местничества английскому королю. Над душами тот, конечно, не властен, но над кошельками – вполне! Ведь их содержимое должно удовлетворять народные чаяния, а не обогащать каких-то там заморских попов.

«Черная смерть» унесла жизни трети сельского населения Англии. Многие поместья опустели, земли никто не обрабатывал, но их купля-продажа по-прежнему регулировалась законами Эдуарда I. Возрос спрос на рабочие руки, и члены бывших крестьянских общин чувствовали себя весьма вольготно. Автор «Видения о Петре Пахаре» рассказывает, как рабочие «требовали жарить им только свежее мясо или рыбу», а нанимать их можно было «только за высокую плату», иначе они «станут браниться». На приобретенные средства они могли арендовать бывшие феодальные лены, от чьих владельцев уже не требовалось соблюдения вассальных обязательств. Однако плата за аренду казалась чересчур высокой, к тому же арендаторы все чаще задавались вопросом:

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Кто тогда был дворянином?

Крестьянское восстание 1381 г. в Англии, подобно Жакерии во Франции, не являлось движением обедневших слоев населения, как писали советские учебники. Напротив, по справедливому замечанию Фруассара, оно «было вызвано праздностью и достатком, в которых жил простой народ Англии». Недаром эпицентром бунта стал Кент – наиболее благополучное графство, где репрессиям подверглись в первую очередь братия аббатства Леснес и архиепископ Кентерберийский.

Восставшие потребовали от юного Ричарда II (1367–1400), сына Черного Принца, уравнять их в правах на землю с баронами и священнослужителями. Интересами первых Корона не могла пренебречь, а вот Церковью охотно пожертвовала. Разогнав вооруженную толпу Уота Тайлера, в январе 1382 г. парламент и король даровали амнистию бунтовщикам, направив их внимание на передел церковной собственности. Дядя Ричарда, Джон Гонт, неспроста вздыхал над доктринами Уиклифа. Возбужденные ими лолларды получили отпор и ушли в подполье, но их триумф был не за горами.

Постепенно назревал конфликт между Ричардом II и лордами-апеллянтами. В реальности Ричард опирался на королевских судей, а в своем болезненном воображении – на неорганизованные толпы, чьим «вождем» провозгласил себя. А лорды уповали на столь полюбившийся им парламент, «безжалостность» которого гарантировала монаршее послушание. При короле-рыцаре, короле-полководце эти взаимные претензии отходили на второй план. Но слушаться капризного мальчишку, позорно миролюбиво настроенного в отношении французов, никто не собирался.

В 1397 г. Ричард расправился с оппозицией, неожиданно найдя поддержку у самих лордов, которым понравилась его решительность и смелость. Однако, будучи психически неуравновешенным человеком, Ричард не смог на этом остановиться. Его дальнейшая политика задевала интересы джентри и торговых классов, опасавшихся прямого союза короля и черни. Смещение Ричарда II Генрихом Болингброком породило опасный прецедент. Король не оставил потомка мужского пола, а наследником объявили человека, не имеющего предпочтительных прав на престол. Можно, правда, вспомнить о предполагаемом убийстве Эдуарда II Роджером Мортимером. Но оно не таило в себе династической нестабильности, ведь никто не отнимал у сына Эдуарда корону.

Палата общин продолжала извлекать выгоды из конфликта между лордами. Парламентарии заставили нового короля Генриха IV (1367–1413) дожидаться своего коллективного решения, следили за расходом выделенных средств и требовали отчетов от королевской администрации. И Генрих вынужден был смириться, поскольку не чувствовал поддержки со стороны родовой знати, озабоченной династическими проблемами. Особенно грустно узнавать о нелюбках между Генрихом IV и семьей Перси, наследниками лучших феодальных традиций, которые из преданности престолу в течение нескольких лет защищали северную границу от шотландцев, не получая никакой военной помощи и фактически за свой счет. Ланкастер не смог оплатить их расходы: прижимистый парламент не собирался раскошеляться из-за провинциальных северных графов.

Тем не менее его сын Генрих V (1387–1422) в 1420 г. сумел добиться признания себя наследником трона Валуа, и Англия достигла пика своей европейской политики. Отныне ее влияние в Европе будет только падать вплоть до жалкой роли регулятора «равновесия». Никакие колониальные богатства не смогут затмить славы империи норманнов и Плантагенетов, которая возродилась на краткий миг головокружительного правления Генриха.

Французские историки всячески стараются умалить значимость его побед, испытывая по отношению к Генриху тот же комплекс неполноценности, что и англичане по отношению к Вильгельму Завоевателю. Но только французов понять можно. Государство, созданное норманнами, не имело национальных границ, оно не было ни французским, ни английским. А Генрих победил благодаря мобилизации всех национальных ресурсов. Его поддержали обе палаты парламента. Лордам импонировала его смелость и находчивость, горожанам – его прагматизм, святошам – его показная религиозность, черни – его щедрость и снисходительность. Он первым из королей использовал в своих письмах и посланиях английский язык¹⁶. Он первым заговорил о достоинствах английского оружия. И он первым нарушил рыцарский кодекс чести.

¹⁶ Король удостоился особой похвалы за «возвышение английского языка» от... лондонских пивоваров.

Необходимая английскому народу победа должна быть достигнута любой ценой: так рассуждал Генрих, когда при Азенкуре (25 октября 1415 г.) отдал приказ перебить знатных пленников.

Во всем этом заключалась не сила, а слабость его империи – колосса на глиняных ногах, которого свалила простая крестьянская девушка. Национализм Жанны д'Арк всего лишь реакция на национализм Генриха V. Последние приверженцы внутрисословного единства во Франции, вроде Филиппа Бургундского, были поставлены перед необходимостью выбирать – или с народом, или против него.

Войну Алой и Белой розы часто называют последним всплеском феодализма. Но даже самая разгульная феодальная вольница не приводила к столь печальным последствиям – фактической гибели государственной элиты. Для феодалов война была увлекательным занятием, где победителя ждала награда – воинские почести, новые земли. В XV в. в Англии шла борьба за национальное лидерство, вот почему она получилась столь кровавой. Поражения во Франции заставили устыдиться всех – от йомена до рыцаря. И каждый жаждал реванша. И каждый мнил себя спасителем отечества при слабом, никчемном монархе, коим являлся Генрих VI (1421–1471).

В начавшейся суматохе участвовали почти все англичане, а не только знать. Герцога Глостера умертвили с согласия парламента, направляемого Эдмундом Бофором и графом Суффолком. самого Суффолка казнили простые моряки, но за ними стоял Ричард Йоркский. Судя по всему, Йорки организовали и восстание Джека Кэда в 1450 г. Правящий дом спасли горожане, которым претили откровенно разбойничьи повадки восставших.

В итоге состоятельные буржуа, заседавшие в нижней палате, обрели немислимые привилегии. Именно палата общин первой выдвинула предложение объявить Ричарда Йоркского наследником трона. Ее члены чувствовали себя избранными во всех смыслах слова, ведь статут 1429 г. закрепил право голоса лишь за теми землевладельцами, которые могли заплатить 40 шиллингов. Авторы закона резонно утверждали, что участие в выборах людей «небольшого состояния или достоинства» ведет к убийствам и мятежам.

Но убийства все равно начались. Почти каждое сражение этой войны превращалось в резню под лозунгом «Пощады не будет». Тактическими достижениями Генриха V никто не пользовался. Лишь через двести лет англичане снова научатся воевать благодаря военному гению Оливера Кромвеля. Столкновения Ланкастеров и Йорков какие-то нелепые, сумбурные. Битва при Таутоне (29 марта 1461 г.) сопровождалась метелью. Битвы при Уэйкфилде (30 декабря 1360 г.) и при Тьюксбери (4 мая 1471 г.) походили на драки. А битва при Барнете (14 апреля 1471 г.) из-за сильного тумана вообще превратилась в трагикомедию. Вошедший в моду полный доспех усиливал ощущение гротеска.

Герцог Йоркский мог бы избежать дальнейшего кровопролития, если бы воспользовался своим шансом после первой битвы при Сент-Олбансе (22 мая 1455 г.). Однако он предпочел действовать законным путем, созвав парламент от имени короля. Мог ли он поступить иначе? Абсолютистские тенденции, имевшие место прежде – в правление Иоанна Безземельного, Эдуарда II, Ричарда II – пресекались на корню. Теперь времена изменились. Генрих VI не годился на роль тирана, но любого другого диктатора народ охотно принял бы, так как чувствовал себя причастным к управлению государством. Вскоре Тюдоры, чьи права на престол просто смехотворны, продемонстрируют, как можно царствовать без ограничений, опираясь на выходцев из низов и приструнив родовое дворянство. Ричард Йоркский придерживался старых феодальных принципов, и потому его голова увенчала ворота Йорка. Ричарду Невиллу, графу Уорику, также недоставало наглости и напористости. Зато ими обладала Маргарита Анжуйская, давшая соответствующее воспитание своему сыну – наследному принцу¹⁷. Но англичанам была памятна авантюра королевы Изабеллы, и они вряд ли потерпели бы еще одну французенку.

¹⁷ Во второй битве при Сент-Олбансе (17 февраля 1461 г.) она обратилась за советом к семилетнему Эдуарду: «Какой

Сластолюбивый Эдуард IV (1442–1483), сын Ричарда Йоркского, мог бы стать основателем династии, подобной тюдоровской, но собственные страсти прежде времени увлекли его в могилу. При его дворе царили вполне ренессансные нравы, а Вудвиллы – типичнейшая семейка выскочек, вкусивших благ, коими их щедро снабжал коронованный зять¹⁸. Тюдорам Эдуард оставил три важнейших завета.

Во-первых, пополнять казну можно с помощью политического шантажа. Договорившись с Карлом Смелым, Эдуард вторгся во Францию, но, попугав Людовика XI и получив с него 75 тысяч крон отступных и 50 тысяч ежегодных, удалился восвояси, не слушая проклятий обманутого герцога Бургундии.

Во-вторых, политические противники должны лишаться своих земель без права передачи по наследству. При Эдуарде феодальные надель отчуждались навечно, без возврата наследникам. Таким путем король прибрал к рукам владения Ланкастеров.

В-третьих, осуждение конкурентов осуществляется с помощью парламента, придающего этому суду легитимность. Собравшиеся в январе 1478 г. парламентарии, довольные тем, что их не попросили об увеличении налогов, приговорили к смерти брата Эдуарда – Джорджа, герцога Кларенса. Кларенс давно раскаялся в отступничестве, но зато мог претендовать на престол, поскольку уже тогда для многих стала очевидной незаконность брака Эдуарда IV с Елизаветой Вудвилл.

Нашелся, однако, человек, разделявший устаревшие понятия о чести и достоинстве и почти в одиночку противостоявший порокам нарождающегося Ренессанса, за что потомки заклеили его как коварного злодея и мерзкого уродца. Это Ричард III (1452–1485), стойкий и отважный в сражениях, ни разу не предавший своего старшего брата, хотя и испытывавший отвращение к его образу жизни, верный семьянин, не терпящий интриганов и подхалимов властитель.

Искажением столь привлекательного образа занялась тюдоровская пропаганда. Ее достижениям позавидовала бы даже советская историография с ее царями Палкиным и Кровавым. Теперь каждый английский ребенок знает, что Ричард был уродлив и горбат; Ричард ответствен за смерть Генриха VI и его сына, а также за казнь Кларенса; Ричард планировал убийство своей законной супруги Анны Невилл, чтобы жениться на племяннице Елизавете Йоркской. И наконец, самое главное: по приказу Ричарда в Тауэре умертвили малолетних принцев, чьим дядей и опекуном он был.

Актом парламента Ричард объявил принцев – с достаточно вескими основаниями – незаконнорожденными и не имеющими права на трон. Принцы исчезли в Тауэре в 1483 г., и дальнейшая их судьба неизвестна. После героической смерти Ричарда III на поле Босворта (22 августа 1485 г.) война завершилась, а королем стал Генрих VII Тюдор (1457–1509) – дальний родственник Ланкастеров, чьи отец и дед были незаконнорожденными¹⁹.

Понятно, что подростки могли служить угрозой для прав на корону не погибшего Ричарда, а правящего Генриха. Тюдор, тайно устраняя мальчиков, убивал двух зайцев разом – расправлялся с конкурентами и чернил репутацию своего врага. Вероятнее всего, принцы находились в Тауэре, когда Ричард погиб, а Генрих VII прибыл в Лондон на коронацию. Чтобы укрепить свои права на трон, Генрих женился на Елизавете Йоркской, старшей сестре принцев. Предварительно Тюдор уничтожил акт о незаконности происхождения детей Эдуарда IV, поскольку он угрожал и его жене. А с уничтожением акта права на престол автоматически переходили к принцам! Вот их и убрали. Пройдет время, и великий драматург, сочинявший для внуки первого Тюдора, обвинит Ричарда во всех смертных грехах!

смертью должны умереть эти два рыцаря?» – «Им нужно отрубить головы», – отчеканил мальчик.

¹⁸ К примеру, пристроив всех родственников супруги, Эдуард позабыл о ее четвертом брате – двадцатилетнем юноше, которого пришлось срочно женить на вдовствующей герцогине Норфолк, восьмидесятилетней старухе.

¹⁹ Генрих происходил от Бофоров – незаконных потомков младшей линии Плантагенетов.

Дрожащий за трон Генрих быстро расправился со всеми оставшимися претендентами. На его совести смерть последнего представителя мужской линии Плантагенетов – молодого Эдварда (1475–1499), сына герцога Кларенса. Между прочим, нового короля в его правах на престол поддерживали столь ненавистные англичанам французы, сражавшиеся в его рядах при Босворте. Тюдоры, даже преследуя католицизм, охотно сотрудничали с Францией, отрекшись от претензий на земли Плантагенетов. В Англии наступала эпоха Ренессанса, а с ней начался процесс превращения нации рыцарей в нацию лавочников.

Тюдоры

Первым коронованным лавочником стал сам Генрих VII, создавший сеть финансового контроля, внимательно следивший за сбором штрафов и повинностей, проверявший и собственноручно подписывавший главные документы центра административной координации. Будучи бережливым и экономным, он тем не менее выставлял напоказ свое богатство – носил роскошные одеяния, превосходные украшения, дорогие воротники.

Неотложной задачей Тюдора был подъем авторитета монархии, значительно упавшего после Войны Алой и Белой розы. Борясь за этот авторитет, Генрих VII заложил основы великой тюдоровской пропаганды, участвуя в которой его потомки не только правили, но и актерствовали. Наверное, ни одна королевская династия в мире не имела в своем составе столько актеров! Недаром Шекспира так вдохновила сцена вручения короны Тюдору на поле Босворта: она как будто готовилась для будущей театральной постановки. Если перед Генрихом VII расшаркивались только уцелевшие аристократы, то восшествие на престол его сына в 1509 г. все подданные приветствовали праздниками, танцами и ликованием.

Осквернением памяти последнего из Йорков не ограничилась работа пропагандистского аппарата. Необходимо было расправиться с политическими врагами, чему поспособствовали весьма странные авантюры Ламберта Симнела и Перкина Уорбека, самозванцев, судя по всему, подготовленных при тюдоровском дворе и грамотно сыгравших свои роли.

Тюдор блистательно воспользовался заветами Эдуарда IV. С помощью парламента он получал значительные субсидии, собирал небольшую армию и шантажировал ею Францию, обеспокоенную возможностью договора между Англией и Испанией. Гораздо более эффективной статьей дохода служила конфискация имущества. Акты объявления вне закона представляли собой парламентские статуты, провозглашавшие феодала осужденным за государственную измену, его собственность конфискованной в пользу Короны, а его кровь «испорченной»! С помощью этих актов Тюдор приобрел множество поместий: земли Ланкастеров по праву наследства и земли Йорков по праву победителя (здесь очень пригодилась «испорченность» Ричарда III). Оставшиеся феодальные цитадели были постепенно отобраны и переданы под надзор членам королевской свиты.

Правление Тюдоров обернулось полным крушением старой английской аристократии. Количество старинных родов сократилось до 29, да и те были частично в опале, частично ослаблены и разорены. Новых пэров, во всем уравненных с родовой знатью, король выбирал прежде всего из богатых горожан и джентри. Генрих VII пожаловал новые титулы 20 родам, а его сын возвысил 66 человек! Среди них надо отметить такие семьи, как Болейны, Сеймуры, Расселы, Дадли, Сесилы, Кавендиши, Сидни, Герберты. Доверенные слуги короля получили административную власть на севере страны, чьи крупные феодальные семейства (Невиллы, Перси) не любили Тюдоров.

Даже без этих суровых мер прежняя аристократия вряд ли прижилась бы при тюдоровском дворе, где царили новые «лавочные» нравы. Генрих VII выпестовал систему королевского патроната, с помощью которой вознаграждал своих чиновников и слуг, жалую им посты, земли,

пенсии, годовые ренты. Все придворные, от знатных пэров до скромных рыцарей, соперничали друг с другом из-за своей доли в добыче.

Молодой Генрих VIII (1491–1547) являл собой образец средневекового рыцаря. Он сражался на турнирах и в бою, говорил на нескольких языках, играл на лютне и клавесине, разбирался в богословии. Но атмосфера двора его отца давала себя знать, и постепенно Генрих превратился в раба своих прихотей – от еды до женщин. Его слабостями умели пользоваться всевозможные интриганы, особенно будущие королевы Анна Болейн и Джейн Сеймур, лелеявшие свою добродетель, сознавая, до чего может дойти влюбленный в них король.

В государственных делах Генрих пользовался услугами выдвиженцев: Томаса Уолси (сына бедного и вороватого мясника), Томаса Кромвеля (мелкого стряпчего), Томаса Кранмера (не обладающего глубокими познаниями простолюдина) и т. п.²⁰ Особенно Тюдор ценил хитрецов, подобно Кранмеру, рождавших «гениальные» идеи в подходящий момент (передать вопрос о законности королевского брака на рассмотрение европейских университетов). Но король всегда сам направлял политику своих министров, которые имели свободу действий лишь в тех случаях, когда Генрих был слишком занят.

Высокий авторитет Уолси как духовного лица объяснялся временной прихотью короля, не готового разорвать с Церковью. Напуганное духовенство согласилось, что лучше подчиняться тирану церковному, чем светскому. Для утверждения акта о супрематии и принятия антиримских статутов королю необходим был Кромвель, который блестяще освоил искусство контролировать парламент. В 1536 г. он также помог превратить многочисленный и плохо управляемый Королевский совет в исполнительный орган из 19 человек, переименованный в Тайный совет. Щепетильные деятели, подобные Томасу Мору, не устраивали короля именно в силу своего нежелания быть вовлеченными в его собственные действия.

²⁰ Российскому читателю легко вывести аналогию с эпохой Петра I и его «птенцов», таких как Светлейший, Марта Скаврнская, Феофан Прокопович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.